

**СООБЩЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА
LXII**

**Санкт-Петербург
2004**

Л. Р. КЫЗЛАСОВ*, С. В. ПАНКОВА

ТАТУИРОВКА ДРЕВНЕЙ МУМИИ ИЗ ХАКАСИИ
(РУБЕЖ НАШЕЙ ЭРЫ)

На одном из внутренних южных склонов Оглахтинских гор, возвышающихся над Енисеем, экспедицией Московского университета, работавшей под руководством Л. Р. Кызласова, в 1969 г. была обнаружена и исследована грунтовая семейная гробница, относящаяся к таштыкской культуре. За отсутствием каких-либо внешних признаков археологи обнаружили ее по косвенным данным [Кызласов, 1969; Кызласов, 1970; Кызласов, 1971, с. 173–176; Кызласов, 1992, с. 64–70; Kuzlassow, 1971]. Усыпальница размещалась в яме размерами 3,0 × 2,4 м, при глубине 1,4 м. Это был прямоугольный лиственничный сруб прекрасной сохранности, просушенный при его изготовлении в тайге. Десять бревен, его составляющих, оказались тщательно отесанными, хорошо подогнанными и соединенными в лапу. Древние плотники были профессионалами. Разумно пометив каждое из бревен прямыми счетными нарезками, они после перевозки легко собрали гробницу в погребальной яме. Крышу ее составили девять отдельных, поперечно уложенных двухметровых бревен, концы которых были скруглены и уплощены снизу для тесного прилегания к продольным стенкам.

До установки деревянной камеры мастера в два слоя укрыли весь пол ямы толстыми пластами коры, содранной со старых берез. Также, в четыре-пять слоев, были изолированы от земли боковые стены и крыша сруба. Таким образом строители добились полной герметической изоляции гробницы от внешнего мира. Они к тому же утоптали полуметровую земляную засыпку, очевидно накрыв ее по склону горы дерновыми пластами. Благодаря всему этому дождевые и весенние воды скатывались в овраг, а гробница оставалась сухой в течение двадцати веков.

* Московский государственный университет.

В погребальной камере сохранились предметы из дерева, кожи, меха и останки пяти погребенных по разным обрядам людей. Это были, прежде всего, высушенные мумии мужчины и женщины и кости ребенка. На их лицах сохранились погребальные скульптурные маски из гипсовой массы [Кызласов, 1970, с. 198, фото; Коваленко, 1972, с. 78, 79, фото; Frozen Tombs, 1978, no. 136]. Взрослые лежали вдоль южной (мужчина) и северной (женщина) стен усыпальницы головами на запад (ил. 1). Их нижняя одежда была из шерстяных тканей, а поверх нее — зимняя меховая. На головах обеих мумий сохранились каштановые волосы, у женщины с проседью. На левом виске мужчины и затылке женщины обнаружены грубо выбитые отверстия — следы посмертной трепанации с целью извлечения мозга [Гохман, 1989, рис. 5]. Останки людей настолько ссохлись, что при извлечении из гробницы они остались в прямом состоянии и ни одна кость скелетов не сдвинулась. Для сохранения в полевых условиях и при транспортировке погребальных масок на лицах археологам пришлось отделить головы обеих мумий, перерезав ножом кожу и сухожилия их шей.

На маске мужчины черной краской обозначены щелочками закрытые глаза, а поперек, на лбу и ниже глаз, нанесены остриями друг к другу широкие полосы [Frozen Tombs, 1978, p. 100, no. 136] (ил. 2). Под маской на лице лежал кусок тонкой шелковой ткани. На голове мужчины сохранилась меховая шапка-ушанка с помпоном сверху. На умершем были надеты овчинная куртка мехом внутрь, беличий нагрудник, распашная шуба из меха саяно-алтайского северного оленя, меховые козьи штаны, он был обут в легкие туфли, на которые опускались меховые гетры, подвязанные у колен ремешками. Обнаружены также

Ил. 1. Оглакhtинская гробница после снятия перекрытия. Фото Л. Р. Кызласова, 1969 г.

подложенная под плечи мужчины детская шубка из меха овцы с оторочкой из шкурок соболя и мешочек из меха колонка* [Никитина, Баранова, 1973; Баранова, Никитина, 1974; Дары Эрмитажу, 1989; Frozen Tombs, 1978, р. 94—96, 100]. На женщине была надета овчинная шуба со стоячим воротником. Сохранились остатки шапки и меховых штанов. Нашлась и сложная женская коса, заплетенная из четырех прядей. Женская маска многократно издавалась сотрудниками Эрмитажа [Новые поступления Эрмитажа, 1977, с. 110—111; Дары Эрмитажу, 1989, с. 75—77; Artamonov, 1974].

Третьим труположением оказался скелет ребенка, лежавший вытянуто на спине поперек гробницы, в ногах у взрослых. Под его голову, обращенную к югу, была подложена каменная плитка, около которой обнаружены обломки детской маски со следами красной краски. Череп ребенка полуразрушен позднее поставленной на него посудой. Сохранились молочные зубы и кости черепа с несросшимися теменными швами, т. е. возраст ребенка около 6—7 лет.

Замечательными находками явились два погребальных кожаных подобия человеческих тел, набитых сухой травой. В груди каждого из них мы позже обнаружили мешочки с мелкими костями трупосожжения взрослых. Одна из этих «кукол» (обозначенная № 2)

была уложена между засушенными телами мужчины и женщины, о которых шла речь (ил. 1), а первая из них лежала прямо под женскими останками. Важно отметить, что все четыре погребения взрослых людей (труположения и трупосожжения, помещенные в имитациях тел) опускались в гробницу на больших желобообразных пластах березовой коры, края которых налегали друг на друга соответственно очередности захоронений. Это обстоятельство создало редчайшую «стратиграфию», указывающую на то, что после первого погребения камера раскрывалась в древности для дохоронивания умерших, по крайней мере, еще однажды.

Первоначально в пустую гробницу были опущены тело мужчины, помещенное у южной стенки, и кожаное подобие человека («кукла» № 1) с костями трупосожжения внутри, уложенное у северной стенки. В ноги им поместили умершего ребенка. С куклой № 1 был положен мужской инвентарь. Кожаный саадак — налучье с пришитым карманом-колчаном (край которого был оторочен ханьским шелком с иероглифами [Рибу, Лубо-Лесниченко, 1973]), содержал модель боевого лука и пять древков стрел с опереньем [Кызласов, 1992, рис. 25]. У левой ноги манекена найдена модель нагайки с приклеенным ремешком и миниатюрная конская ременная узда с железными удилами и деревянными псалями. Таким образом, очевидно, что трупосожжение в «кукле» № 1 принадлежало мужчине-воину, подобие которого было уло-

* Здесь и далее определение меха произвел проф. Н. К. Верещагин (ЗИН РАН).

Ил. 2. Раскраска мужской погребальной маски. Рисунок Л. Р. Кызласова, 1969 г.

жено «головой» на подушку из замши (30,0 × 19,0 см), рядом с которой положили кожу, снятую с его головы перед сожжением тела.

Во второй раз в деревянный склеп похоронили и женщину, которую положили прямо поверх «куклы» № 1. В последнюю очередь в Оглахтинскую усыпальницу поместили сшитое из кожи и набитое листьями степных ковылей подобие человеческого тела почти в полный рост (длиной 1,4 м). Эта «кукла» № 2 содержала кости трупосожжения и была одета в меховую дошку и штаны, меховые носки и сапоги с завязками, а на руках — рукавицы. На голове, сшитой из ткани, темно-красной краской нарисовано лицо: брови, глаза, нос, рот и поперечные полосы раскраски, как на маске мужчины. На темени манекена пришита косичка из каштановых человеческих волос, сложенная подковообразно. Под головой — две кожаные подушки, набитые шерстью северного оленя и сухой травой. Следует добавить, что при вторичных похоронах поставлена основная масса деревянных и глиняных сосудов с едой и питьем [Кызласов, 1992, рис. 23, 24], в основном в северо-восточном углу гробницы и частично на ноги ребенка.

Погребения Оглахтинской гробницы позволяют заметить две различные традиции воссоздания облика умерших, одновременно существовавшие в таштыкской культуре: мумификацию и имитацию. Мумификация, несомненно, восходит к обряду трупоположений и завершается им. Имитация же совмещает чер-

ты пришлого и местного обрядов, ибо содержит трупосожжение, сохраняя внешнее подобие трупоположения. Очевидно, что при похоронах люди пытались создать иллюзию единого обряда трупоположения, в ту эпоху превалировавшего среди местного населения, хотя часть новопоселенцев предпочитала вершить исконный для них обряд трупосожжений. Этим семейная усыпальница как нельзя лучше подтверждает указанное одним из авторов этой статьи время самого начала этногенеза хакасского народа, зародившегося, в согласии с ханьскими хрониками, от смешения угро-самодийского местного субстрата (практиковавшего трупоположение) с пришедшими с юга тюркоязычными гяньгунями-кыргызами, которые с ранне-таштыкского времени и вплоть до современности хоронили своих умерших по обряду трупосожжения [Кызласов, 1960; История Хакасии, 1993]. В сравнении с иными среднеенейскими материалами становится ясно, что обе таштыкские разновидности восходят, по-видимому, к сложившимся в более раннее время и затем существовавшим на тагарско-таштыкском переходном этапе двум способам воздействия на тела умерших: засушиванию его после удаления мозга и расположенных в животе органов, с одной стороны, и освобождению скелета от мягких тканей с воспроизведением объема тела травяной набивкой [Кузьмин, Варламов, 1988], с другой стороны. Вероятно, в обоих случаях обрядовые действия, в свою очередь, восходят к единому обряду — удалению

части органов с заполнением их места травой и минерально-органическими смесями. Такой обычай породил когда-то и способ мумификации самодийского общества пазырыкской культуры Горного Алтая* [*Полосьмак, 2000*], и одновременной уюкской культуры Тувы и Северо-Западной Монголии, в последнем случае устанавливаемый по косвенным данным (следам трепанации). Привлекая поздние письменные источники, можно думать, что перед нами черта сибирской аборигенной культуры. Так, в середине XVIII в. И. К. Кириллов отметил: «Те юкагири знатных своих мертвых, выпотроша, засушивают и возят в своих юртах в платье, какое живые носят, а в кибитках сажают в первое место». Для конца века находим сообщение о том, что коряки, поклоняясь солнцу и луне, «...сверх того имеют вместо идола обвешанные оленьей кожей человеческие кости» [*Кириллов, 1977, с. 296*; Описание Иркутского наместничества, 1988, с. 155].

Обряд мумификации тел, практиковавшийся в таштыкской культуре, известен с самого начала XX в. по обследованию С. С. Григорьева в 1902 г. (Архив ИИМК РАН, д. 33, л. 1) и А. В. Адрианова в 1903 г. [*Адрианов, 1903*; *Сосновский, 1933*; *Tallgren, 1937*] погребений на этом же Оглахтинском могильнике. Полученные тогда материалы включали и предметы из органических материалов, и остатки мумий из трех гробниц [*Кызласов, 1960, с. 100—102*]. Фотографии одной мумифицированной головы впервые издал Г. П. Сосновский [*Сосновский, 1933*] (см. также [*Вадецкая, 1999, рис. 5*]). Ныне ранние оглахтинские коллекции хранятся в трех музеях (ГИМ, кол. № 43931; Красноярский музей, кол. № 24; Музей антропологии МГУ, кол. № 24).

Все содержимое Оглахтинской гробницы и ее сруб были в 1969 г. переданы на хранение и реставрацию в Государственной Эрмитаж [*Завитухина, 1972, с. 95*]. В 2002 г. в лаборатории научной реставрации памятников прикладного искусства из органических материалов возобновилось изучение мужской мумии. С нее была снята одежда — нижняя меховая куртка и кожаные штаны. Для первичного осмотра мумии были приглашены сотрудники кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии (д-р медицинских наук И. А. Толмачев, преподаватели А. П. Божченко и Д. К. Тамберг), сделавшие ряд предварительных наблюдений. Видимых следов насильственной смерти не зафиксировано, хотя полностью ее исключить

* Митохондриальный генофонд пазырыкской культуры оказался наиболее близок самодийским народам. Общие данные и библиографию [см.: *Молодин, Полосьмак, 2001*].

невозможно. Следы искусственной мумификации тела также отсутствуют: внутренние органы, по-видимому, не извлекались (через отверстие у плеча видно легкое), разрезов и швов на теле нет. По мнению экспертов, вполне вероятно естественная мумификация погребенного в подходящих климатических условиях.

Эти заключения касаются только тела мумии, поскольку голова, как говорилось, содержит следы искусственной трепанации. Утрата тканей живота, по мнению Л. Р. Кызласова, как раз и связана с произведенной здесь в древности операцией по извлечению части внутренностей. Для достоверного и возможно более полного представления о погребенном необходимо осуществление серии рентгеновских снимков и разнообразных анализов. Желательно определение возраста, антропологического типа и расовой принадлежности мужчины, исследование его ДНК.

После очистки поверхности кожи мумии на ней была обнаружена татуировка. Изображения расположены спереди — на обоих плечах и руках и сзади — на спине и в основании шеи. Задубевшая кожа мумии неравномерна по цвету, который изменяется от светлого песочного до темного красно-коричневого. Татуированные рисунки отличаются от участков с естественной пигментацией синеватым оттенком. Интенсивность цвета татуированных фигур неодинакова: некоторые из них видны отчетливо, другие менее явно, третьи совсем не заметны для глаза. Для выявления изображений татуированные участки были сфотографированы в отраженных инфракрасных лучах (съемки камерой Kodak DCS 460 IR проводил сотрудник Отдела научно-технической экспертизы А. В. Сизов). Вслед за фотографированием видимых изображений были последовательно сняты остальные участки мумии с сохранившимся кожным покровом для вероятного выявления татуировок, не заметных глазу. Такие изображения были зафиксированы на спине и шее мумии; на кистях рук татуировки отсутствуют. Всего на теле погребенного обнаружено 13 татуированных фигур.

Для определения использованного вещества был проведен анализ участка кожи с татуировкой. Микрхимический и микроскопический анализы, выполненные лаборантом Отдела научно-технической экспертизы Е. Г. Аваковой, показали, что пигментом черного цвета является сажа.

На ил. 3 представлены татуировки передней части мумии. На плечах расположены две идентичные фигуры, сохранившиеся фрагментарно: их нижние части утрачены вместе с кожей. Верхние части фигур представляют по две пары отростков: внешних, лировидно-изогнутых, и внутренних. На каждой фигуре

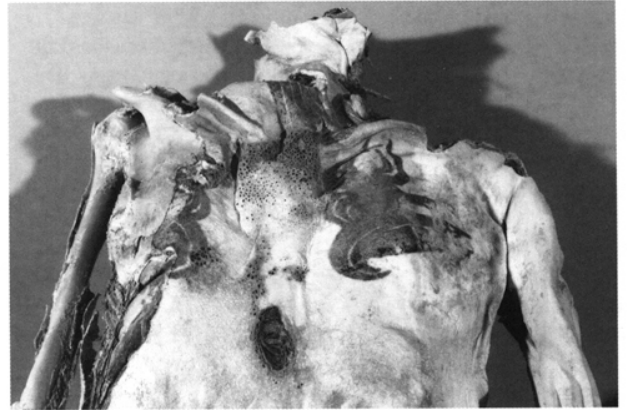

Ил. 3. Татуировки на плечах и груди погребенного мужчины

один из внутренних отростков сплошной, а другой (расположенный ближе к груди мумии) раздвоен посередине, с просветом чистой кожи. Нижние части рисунков, видимо, тоже были асимметричны. Как видно на фигуре на правом плече, ее внешний край сплошной, а внутренний разделен на три дугообразные части. Сохранившиеся фрагменты фигур имеют размеры около $7,0 \times 4,5$ см.

На груди мумии симметрично изображены две розетки ($1,8 \times 1,8$ см), состоящие из четырех пятнышек-точек. Розетки расположены выше сосков, в 10,5 см друг от друга. На передней поверхности плечевой части рук представлены по две фигуры в форме запястьев ($1,5 \times 1,5$ см), утолщениями обращенные к груди мумии. Запястья правой и левой рук расположены на разном расстоянии от локтей. На соседних с этими рисунками участках кожа утрачена, так что изначально запястья могли быть расположены симметрично, а их число на каждой руке могло достигать трех или четырех, хотя утверждать это невозможно.

На ил. 4 показаны татуировки на спине и шее мумии. В области лопаток представлены два симметричных изображения разной степени сохранности. Правая фигура сохранилась практически полностью, большая часть фигуры на левой лопатке утрачена. Изображения выделяются на коже блеклой синевой, но их контуры без помощи инфракрасных лучей не читаются. В целом фигуры имеют трехчастные очертания. Верхняя часть представляет две пары отростков с круглым выступом между ними. Средняя часть имеет округлый левый край, образованный тремя дугообразными составляющими; правому краю придан вид отведенного в сторону отростка. Нижняя часть фигуры, наиболее массивная, представляет пару вписанных, загнутых назад дуг, разделенных просветами чистой кожи.

Ил. 4. Изображения на спине и в основании шеи

Рассмотренные фигуры сверху аналогичны изображениям на плечах, отличаются они только выступом, напоминающим голову (?). Можно предполагать, что изображения на плечах имели такие же нижние части, что и фигуры с лопаток, хотя судить об этом трудно. Так или иначе, очень вероятно, что фигуры на плечах и лопатках отражали близкие или одинаковые образы, переданные в двух случаях по-разному. Размеры татуировок на спине около $14,0 \times 11,5$ см.

Изображение в основании шеи мумии удалось зафиксировать только с помощью инфракрасных лучей. Жесткие глубокие складки кожи сильно искажают татуированную фигуру. Она представлена пятью парами параллельных полос, охватывающих с двух сторон шею и закругленно сходящихся к центру. Кожа шеи по бокам и спереди не сохранилась, так что часть фигуры утрачена.

На внутренней поверхности левой руки, ниже локтя, сохранилось изображение, представляющее лук с надетой тетивой и стрелой, оснащенной наконечником ярусного типа* (ил. 5, 1). Из всех татуировок эта фигура наиболее заметна на коже. Рука скована в плече ссохшимися тканями, что делает невозможной съемку рисунка в другом, более показательном ракурсе. Лук М-образной формы имеет симметричные сильно изогнутые рога, плечи лука по величине практически одинаковы. Общая длина изображения около 6 см.

* Трактовка С. В. Панковой, полагающей, что расположение стрелы не по центру кибити встречается среди наскальных рисунков [Советова, Миклашевич, 1999, табл. 5, 1, 3; Jacobson, Kubarev, Tseevendorg, 2001, figs. 582, 867]. По мнению Л. Р. Кызласова, видеть здесь изображение лука мешают как положение «стрелы», так и совершенно прямая «тетива» и расширение самой «стрелы» к основанию. В таштыкском искусстве прямая тетива изображалась лишь у лука без наложенной стрелы — см., например: [Грязнов, 1979, рис. 59, 1 (фиг. 8), 3 (фиг. 2, 5), 60, 2 (фиг. 2), 4 (фиг. 2), 6 (фиг. 2), 61, 2 (фиг. 6), 3 (фиг. 5–9, 11), 4 (фиг. 5)].

1

2

Ил. 5. Татуированные изображения:

1 — на левой руке (вид сзади); 2 — на правой руке и плече (вид сбоку)

Еще одна татуировка была выполнена на правой руке мумии, на внешней стороне локтя. Это стрелчатая фигура, обращенная острым концом вверх, к плечу (ил. 5, 2). На коже она выглядит блекло, ее контуры размыты. Один край фигуры плавно изогнут, другой имеет отростки разных очертаний. В центре, ближе к острому краю, виден тонкий просвет чистой кожи. Длина фигуры 8,0 см.

Общей особенностью татуировки мумии является симметричное расположение большинства изображений — парных фигур на плечах, спине и руках выше локтя. Фигура в основании шеи расположена по центру, не нарушая принципа симметрии. Только лукообразная и стрелчатая фигуры в области локтей не имеют парных изображений, хотя для последней вероятность существования такого изображения не исключается, поскольку кожа на внешней стороне локтя левой руки отсутствует.

От интерпретации татуированных фигур пока следует воздержаться. Наиболее впечатляюще и загадочно выглядят изображения на плечах и спине мумии, представляющие паукообразных существ с несколькими ногами или щупальцами. Так расценены эти образы и специалистами Зоологического института РАН: внутренние отростки фигур соответствуют хелицерам, а внешние — педипальпам этих членистоногих [Жизнь животных, 1969, с. 56—59]. Правда, рисунки на спине смущают биологов присутствием «голов» и массивностью нижней части, трудно объяснимыми даже с учетом стилизации.

В то же время аналогиями фигурам на лопатках являются изображения на шерстяной ткани из могильника Shanpula (бассейн Тарима, II в. до н. э. — IV в. н. э.). Согласно описанию публикаторов, они представляют собой личины животных с усами и завивающимися прядями шерсти (Schorta, 2001, p. 85, fig. 92). Трехчастное построение этих фигур, наличие вверху двух пар симметричных отростков, очертания нижней части в виде изогнутых книзу дуг аналогичны соответствующим деталям оглахтинских изображений. Стилизованные фигуры на ткани и татуировки могли восходить к единому образцу, хотя трудно сказать, какие из них ближе к оригиналу.

На первый взгляд, обсуждаемые фигуры представляют новый образ, неизвестный ранее в таштыкском изобразительном творчестве. Однако оглахтинские фигуры находят внешние аналогии среди других загадочных таштыкских изображений — в орнаменте крупного щита на деревянной плакетке из тепсейского склепа 1 [Грязнов, 1979, рис. 59, 3 (фиг. 2)]. Пропорции фигур из Оглахтов и Тепсея и техника их выполнения различны, однако сам образ настолько специфичен, что допускает предлагаемое сравнение. Как в оформлении щита, так и среди татуировок перед нами, возможно, предстает общий паукообразный символический образ.

Стрелчатая фигура на локте мумии может быть сопоставлена с некоторыми элементами орнамента пазырыкских курганов Алтая [Руденко, 1953, табл. LIII, 2—3; LIV, 6—7].

Особенно важно отметить принципиальное отличие таштыкской татуировки гунно-сарматского времени, впервые увиденной благодаря оглаhtинской находке, и пазырыкской культуры раннего железного века. Многократно продемонстрированная в нашем случае симметричность (как в построении самих не связанных воедино фигур геометрического характера, так и их размещении на теле)* противостоит своими художественными принципами сплошным зонам плотно расположенных мифических зооморфных изображений всех известных ныне горноалтайских мумий.

Обнаруженные изображения — первый и пока единственный пример татуировок таштыкской культуры Енисея. Женская мумия из оглаhtинской коллекции Эрмитажа сохранилась значительно хуже мужской и практически лишена мягких тканей, так что возможность обнаружения на ней татуировок исключается. На лицах обеих мумий, скрытых под масками, сохранились кожные покровы. Но поскольку снятие масок неизбежно приведет к их разрушению, есть ли на лицах татуировка, сказать пока невозможно.

Адрианов А. В. Оглаhtинский могильник // XXIX и XXX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». Томск, 1903. № 249, 254.

Баранова Т. А., Никитина К. Ф. Консервация археологического меха // Консервация и реставрация памятников культуры и искусства: Краткие тезисы докладов к научной конференции Государственного Эрмитажа. Л., 1974.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.

Гохман И. И. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология — медицине. М., 1989.

Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.

Дары Эрмитажу. Государственному Эрмитажу 225 лет: Каталог выставки. Л., 1989.

Жизнь животных В 6 т. Т. 3. Беспозвоночные. М., 1969.

Завитухина М. П. Комплекс вещей I в. до н. э. из Красноярского края // СГЭ. Л., 1972. [Вып.] XXXV.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Отв. ред. Л. Р. Кызласов. М., 1993.

Кириллов И. К. Цветущее состояние Российского государства. М., 1977.

Коваленко Т. Реставрация гипсовых погребальных масок // СГЭ. Л., 1972. [Вып.] XXXV.

* Тому же принципу симметричности геометрических композиций подчинен не только орнамент щита на тепсейской планке [Грязнов, 1979, рис. 59, 3 (фиг. 2)], но и изображение мирового древа, занимающее грудь фигуры 6 (ср. «подставку» в основании, воздетые ветви и замыкающую крону линию [Кызласов, 1960, с. 146, рис. 55, 1, 2а, 2б]).

Кузьмин Н. Ю., Варламов О. Б. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры (Опыт реконструкции) // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.

Кызласов Л. Р. Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад? // Наука и жизнь. 1969. № 12.

Кызласов Л. Р. Раскопки в Оглах-Тях // АО 1969 года. М., 1970.

Кызласов Л. Р. Хакасская археологическая экспедиция 1969 года // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1971. Вып. XVI. Серия историческая, № 3.

Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.

Молодин В. И., Полосьяк Н. В. Пазырыкская культура и самодийская проблема // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001.

Никитина К., Баранова Т. Опыт реставрации сухого археологического меха // СГЭ. Л., 1973. [Вып.] XXXVII.

Новые поступления Эрмитажа. 1966—1977: Каталог выставки. Л., 1977.

Описание Иркутского наместничества 1792 г. Новосибирск, 1988.

Полосьяк Н. В. Мумификация и бальзамирование у пазырыкцев // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.

Рибу К., Лубо-Лесниченко Е. Оглахты и Лоулань. Две группы древних художественных тканей // Страны и народы Востока. М., 1973. Вып. XV.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999.

Сосновский Г. П. О находках Оглаhtинского могильника // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 7—8.

Artamonov M. I. The Down of Art. Remains of the Soviet Union — The Hermitage Collection. Leningrad, 1974.

Frozen Tombs. The Culture and Art of the Ancient Tribes of Siberia. London, 1978.

Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorg D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagaan Salaa/Baga Oigor // Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Paris, 2001. Fasc. 6.

Kyzlassow L. Das Grabmal am Jenissei // Ideen des exakten Wissens. Herausgegeben in Verbindung mit der Akademie der Wissenschaften der UdSSR. Stuttgart, 1971. Nr. 8.

Schorta R. A group of Central Asia woolen textiles in the Abegg-Stiftung collection // Fabulous creatures from the desert sands. Central Asian woolen textiles from the second century BC to the second century AD. Riggisberg, 2001. (Riggisberger Berichte 10).

Tallgren A. M. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1937. XI.